

Рима в посланиях, в толкованиях глаголет „Рим — весь мир”¹⁴»¹⁵ Москва, задумав стать имперской столицей, вполне естественно пытается провести некую аналогию между собой и Римом. Но именно аналогию Москва как бы занимает место Рима в мировой истории, она начинает играть ту же роль, что ранее играли Рим, а затем Рим второй — Константинополь. Такая историческая эквивалентность поддерживалась установлением псевдосвязей Москвы с Римом, что наиболее отчетливо проявилось в «Сказаниях о князьях Владимирских» или «Повести о новгородском белом клобуке» (начало—середина XVI в.) Но Москва, тем не менее, никогда не мыслила себя Римом, она — аналогия Рима, его историческая метафора.

А вот Санкт-Петербург — не аналогия и не метафора, он — настоящий, подлинный Рим, явленный в другое время и в другом месте. Он — реальный в своем существовании, а не результат семантических трансформаций. На это указывает целый ряд весьма значимых фактов. Во-первых, само название, недвусмысленно указывающее на Рим. Во-вторых, заданная с самого основания города и, возможно, в начале его особенно ощутимая актуализация символики имени св. апостола Петра и его роли во всемирной истории и то и другое как бы перекладывается на Санкт-Петербург. Город оборачивается метафорой камня, на котором созидается подобная Царству Небесному Империя, — «и врата адвѣ не удолѣютъ ей» (Матфей 16, 18). Данная метафора поддерживалась традиционной московской духовно-политической формулой «вся христианска царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть росеское царство два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти»¹⁶. Будучи третьим Римом, Российская империя — последняя, как и Церковь, в основе которой лежит «камень» — св. первоверховный апостол Петр, так и она, покоясь на метафорическом камне — городе св. Петра, — простоят до Судного Дня. Возникающее в связи со всем этим метафорическое уподобление города его небесному предстателю в какой-то степени приравнивает Петербург Риму, который также, с точки зрения своего места в христианском хронотопе, может быть понят как метафора.

¹⁴ Нельзя не отметить, что и в латыни существовало подобное устойчивое словосочетание с таким же по значимости, хотя и иным по форме, созвучием, до сих пор папы Римские из своей резиденции, из собора св. Петра, обращают свои послания «*urbī et orbī*», т. е. «городу и миру» (а город здесь — это и «этот» город, и город вообще («идеальный» город), и они — одно, и это — Рим).

¹⁵ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 452.

¹⁶ *Старец Филофей*. Послание о злыхъ днехъ и часъхъ // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV—первая половина XVI века. С. 452.